

Глава первая

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

«Подморозив» Россию по советам Победоносцева и других идеологов монархии, Александр III «подморозил» и коррупцию. Искоренить ее полностью было бы нереально, все это понимали, но сбить эту поганую волну императору удалось. Навсегда покинула Россию светлейшая княгиня Юрьевская. Александр назначил ей с детьми годовое содержание в 100 тысяч рублей, но недвусмысленно дал понять, что видеть в стране не желает. Она уехала в Ниццу, где и умерла в 1924 году в возрасте 74 лет...

Не церемонился он и с серьезно провинившимися членами Дома Романовых, в том числе с собственным братом, о чем подробнее в следующей главе. И то, что при Александре железные дороги были выкуплены в казну, а позже строились исключительно за государственный счет, коррупцию на них не уничтожило полностью, но получать прежние баснословные прибыли всевозможные аферисты напрочь лишились воз-

возможности. Да и княгини Юрьевской при дворе больше не было и искать подобные подходы к Александру III было бы бессмысленно. Человек волевой, решительный и упрямый, он не стал бы слушать кого бы то ни было, возжелавшего бы «порадеть родному человечку».

Жаль только, что процарствовал он до обидного мало — тринадцать лет. О странноватой смерти крепкого, как дуб, сорокадевятилетнего мужика до сих пор ходит немало противоречивых версий — но, не подкрепленные доказательствами, они, увы, носят чисто конспирологический характер. Ясно одно: миф о жутком алкоголизме императора, якобы и приведшем к смерти, — не более чем миф. «Свидетелей» мало, и они какие-то мутные... Подавляющее большинство близко общавшихся с императором ни о каком чрезмерном пьянстве как раз не упоминают, наоборот, крайне высоко оценивают его государственную деятельность (в их числе знаменитый русский химик Д. И. Менделеев). Был у Александра какой-то врожденный здравый смысл, позволявший ему успешно справляться с самыми серьезными делами.

Совсем другое дело — наследник, будущий Николай II...

Хотя сам Александр, как говорится, «университетов не кончал», он, несомненно, прекрасно понимал, насколько важно для самодержца все-русского получить обширные знания в самых разных областях. Об этом свидетельствует

программа «домашнего обучения», которую Александр самолично составил для наследника еще за десять лет до своей кончины. Современные «живые» языки, история, химия, математика, физика, топография, военное дело. Наследнику читали лекции по астрономии, общему и международному праву, политической экономии, экономической политике, финансам — как правило, университетские профессора, среди которых были известные ученые.

Увы, как гласит русская пословица, не в коня корм. В одно ухо влетало, в другое вылетало. Об отношении наследника к учебе лучше всего свидетельствует его письмо к матери за два года до восшествия на престол: там он подробно описывает, как во время лекции по астрономии на него и его брата Георгия ни с того ни с сего напал безудержный приступ смеха. Такие вот веселые ребята...

Генерал Епанчин, близкий ко двору (и относившийся к Николаю с большим почтением), тем не менее (сохранились серьезные письменные источники) был прямо-таки поражен тем, что Николай абсолютно не разбирался даже в самых простых экономических терминах вроде «тарифной войны» — в чем не стеснялся признаваться открыто...

Тот же Епанчин вспоминал, что Александр именным указом предписал наследнику присутствовать на докладах министров императору — чтобы цесаревич понемногу набирался опыта

в государственных делах. Однако Николай на доклады заглядывал от случая к случаю, а в последние три года царствования Александра III не приходил вовсе.

Всей этой скукоте наследник предпочитал общество гвардейских офицеров — уж там-то было гораздо веселее, там пили шампанское дюжинами и, деликатно говоря, живо общались с балеринами и прочими доступными красотками. Ну, а уж в компании гвардейских гусар было и вовсе, говоря современным языком, прикольно. Гуляки (и наследник в том числе) допивались до того, что, раздевшись догола, на четвереньках выбегали во двор и выли на луну, изображая волков. Потом лакеи выносили лохань шампанского, из которой «волки» хлебали, все так же на четвереньках. Это не чья-то злопыхательская выдумка, а воспоминания одного из «волков», весьма знатной персоны...

Нельзя сказать, что, став императором, Николай управлял Россией плохо. Нельзя сказать, что он управлял страной хорошо. Он просто-напросто никак не управлял, так что министры и прочие высшие сановники ворочали всяк что хотели. Очень редко в государственные дела император все же вмешивался — но так, что не стоило бы вообще... Уникальный случай в истории европейских монархий: однажды по приказу некоего высшего чина (оставшегося истории неизвестным, но безусловно человека крайне умного) полиция конфисковала тираж книги «Полное

собрание речей императора Николая II за 1894–1906 годы». По отдельности речи и резолюции на государственных бумагах еще кое-как смотрелись, но, собранные в один увесистый том, производили крайне невыгодное впечатление — полного тупоумия...

Прямо-таки убийственную характеристику императору дал известный генерал Драгомиров, в свое время обучавший его военному делу: «Сидеть на троне может, но стоять во главе Российской империи решительно не способен», и подобных высказываний, принадлежавших вхожим во дворец людям, слишком много, чтобы их здесь приводить.

Эта книга не о политике, но все вышесказанное необходимо было привести по очень простой и важной причине: показать, что взятки, казнокрадство и коррупция при таком самодержце непременно должны были распуститься еще более пышным цветом. Что и произошло... Наш старый знакомый, тот самый трехглавый дракон, при Александре III получивший немало подпалин на шкуре, в царствование Николая II абсолютно излечился, не на шутку повеселел и форменным образом блаженствовал.

О взятках и о том, как обстрипывались (иного слова не подберешь) в то время дела, нет нужды рассказывать долго и подробно. Достаточно одного-единственного примера, взятого из воспоминаний А. Н. Крылова. Выдающийся математик и механик, впоследствии советский

академик, Герой Социалистического Труда и лауреат Сталинской премии, он до революции в немалом штатском чине занимался военным кораблестроением. И вот однажды ему срочно понадобилось провести за границей испытания корабельных приборов (что это за приборы, и почему их нужно было испытывать именно за границей, я рассказывать не буду, так как это, в общем, не имеет отношения к теме).

Главное, испытания нужно было провести срочно. А аппаратуры этой набралось примерно полтора десятка весьма объемистых ящиков. По тогдашним правилам, чтобы благополучно миновать с таким грузом иностранные таможи, Крылову следовало иметь заграничный паспорт, а каждый ящик нужно было опечатать печатями Министерства иностранных дел, чтобы они стали своего рода дипломатическим багажом.

Время поджимало, и Крылов поехал в МИД. Не к самому министру, но в достаточно высокие кабинеты. Хозяева кабинетов были с ним вежливы и предупредительны, но все, как один, разводили руками: они прекрасно понимают государственную важность предстоящих испытаний, но заграничные паспорта выдаются исключительно «по Высочайшему соизволению», то есть с личного разрешения императора. Так что вопрос этот не в их компетенции, и господину Крылову следует обратиться в другой департамент...

В другом департаменте все повторялось. Крылова предельно вежливо футболили, пока круг не замкнулся: канцелярия МИДа направила в Первый департамент, оттуда — во Второй департамент, оттуда... в канцелярию МИДа. Ясно стало, что ничего здесь не добиться. Вот только Крылов был не оторванным от жизни ученым мужем, а инженером, жестким прагматиком. Прекрасно знавшим нравы Отечества. А потому и не подумал отступать — он просто-напросто решил зайти с другого конца. Как в анекдоте: огородами, огородами...

В романе Вячеслава Шишкова есть примечательная сцена. Главный герой, молодой золото-промышленник и предприниматель, хочет получить в собственность спорный золотой прииск. Решить этот вопрос можно только в Петербурге, на высоком уровне. Прохор Громов собирается в поездку. Его пожилой друг и сокомпанеец, гораздо более умудренный в житейских делах, советует в высокие кабинеты и не ходить:

— Швейцарец научит, либо лакей, к нему лезь...

Однако молодость сплошь и рядом своим умом крепка... По крайней мере, ей так кажется. В Петербурге Громов прямым ходом направляется к товарищу (заместителю) министра. Тот — сама любезность, но зайти советует через недельку: столько дел, столько дел, бесконечные хлопоты...

Через неделю все повторяется: зайдите через недельку. Вы знаете, эти бесконечные совещания, заседания, вороха бумаг...

Тут только Громов вспоминает совет старшего товарища. Сует осанистому швейцару четвертную. Тот немедленно дает полезный совет: действовать следует «через женскую, извините, часть». Выясняется, что их превосходительство «аккредитованы» у некой графини Замойской, вот, ваше степенство, и адресок...

Отправившись по нужному адресу, наш коммерсант, кроме очаровательной графини, обнаруживает и «их превосходительство». Сановник, правда, спешит куда-то по делам и вновь просит зайти через недельку. Но далее...

«...и от дверей, натягивая левую перчатку, крикнул:

— Кузина! Ради бога... Предложи господину золотопромышленнику подписной лист. Ну сто, ну двести, сколько может... В пользу сирот оставших штаб- и обер-офицеров...

— Ваше превосходительство! — полез Прохор в карман. — Я рад буду подписать не сто, не двести... И в пользу кого угодно. Вот на пятнадцать тысяч чек. — И он положил синенькую бумажку на кремовый бархат круглого стола».

Старичок трясет его руку, горячо благодарит «от лица облагодетельствованных офицерских сирот» и предлагает заглянуть в министерство завтра. Назавтра вопрос решается едва ли не в минуты, прииск официальным образом переходит к нашему герою...

В то время роман еще не был написан — но механизм давно работал вовсю. А потому Кры-

лов быстренько отловил тут же, в коридоре, обычного курьера с красным от пьянства носом, сунул ему пятерку и изложил свою проблему. Курьер, нисколечко не раздумывая, отвел Крылова к некоему Ивану Петровичу, простому делопроизводителю (по армейским меркам, даже не прапорщику, а унтеру).

Этот мелкий чиновничек и решил дело. Договорились моментально. Цена вопроса составила, вы будете смеяться, пятнадцать рублей. Едва ли не через минуту Крылову был выписан самый натуральный заграничный паспорт (как-то Иван Петрович обошелся и без «Высочайшего соизволения», проказник этакий), и на завод, где стояли ящики, тут же помчался курьер, вмиг их опечатавший нужными печатями (тоже натуральными, разумеется). Вот такие порядки царили в тогдашнем МИДе — самый что ни на есть мелкий чиновничек за смешные деньги решал вопросы, официально требовавшие личного дозволения императора...

Вот пример — ничуть не уникальный, можно сказать, рядовой.

В 1908 году на Забайкальскую железную дорогу приехала ревизия инженера Горчакова — до столиц дошли слухи о тамошнем казнокрадстве, а у Горчакова была репутация человека честного, с которым не договоришься «по-человечески». Поднялся переполох, стали уничтожать документы. Люди поумнее поняли, что уличающие их бумаги жгут, но тут то ли

времени не было, то ли возможности. Груды документов выкинули в Ангару — надо полагать, не по течению плыть пустили, а утопили в каком-нибудь мешке с камнями. Но русские инженеры, как уже говорилось, — люди прагматичные. Горчаков выяснил точное место, и бумаги достали все до одной. Оказалось, что только в одной службе движения (а на железной дороге немало и других служб) разворовано 10 миллионов казенных денег.

Итоги? Горчаков собрался было взяться и за другие службы, справедливо полагая, что и там можно накопать немало интересного. Однако его (по представлению тамошнего генерал-губернатора) срочно отозвали в Петербург вместе с его комиссией. Нехватку основных сумм объяснили, надо признать, не без некоторого изящества, изобретательно и в соответствии с духом времени: «красная экспроприация». Тогда и в самом деле боевики самых разных партий (и маскировавшиеся под них уголовники) провели массу «экспроприации» — или, говоря не так возвышенно, вооруженных налетов: на банки, на государственные учреждения, где можно было взять неплохие деньги, на богатые магазины. Самые педантичные оставляли расписки: «Изьято столько-то на нужды революции». Многие обходились и без них. Вот и на Забайкальской дороге объясняли нехватку многих миллионов именно этим: налетели какие-то, морды тряпками замотаны, в каждой лапе по маузеру, в зубах кинжалы,

выгрести все до копейки и растаяли в неизвестности... Согласитесь, изящно.

Журналист писал об этом случае: «По-видимому, воровство имеет союзников везде, имеет сильную руку в таких местах, что грома отводятся в сторону и негодующие крики застывают на устах».

Журналиста звали Александр Аркадьевич Столыпин, и был он родным братом премьер-министра П. А. Столыпина — а газета «Новое время» считалась самой крупной и влиятельной в России. И что? Начальника Забайкальской дороги Свентицкого не оставили в Сибири в совершенно ином качестве, как следовало бы. Наоборот, перевели даже поближе к цивилизации — назначили начальником Пермской железной дороги. И вдобавок наградили орденом Владимира второй степени со звездой, между прочим, дававшим право на потомственное дворянство, — так что, если Свентицкий не был дворянином, он им стал...

Печально отличились на поприще казнокрадства органы городского самоуправления — городские управы и городские думы. Только в Петербурге, только в одном 1911 году вскрыли злоупотребления на водопроводной станции, при поставках угля, в пяти городских больницах, при сдаче в аренду городских земель. Бывший петербургский градоначальник Клейгельс печатно, с большим возмущением все это обличал и писал: «Я глубоко уверен, что при ином составе го-